

УДК 937

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/126/83>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ И УМЕРЕННЫХ НЕОНАРОДНИКОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.): СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

©Протасова О.Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950, канд. истор. наук,
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

POLITICAL VIEWS OF THE DECEMBRISTS AND MODERATE NEO-POPULARISTS (END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY): SIMILARITIES AND DIFFERENCES

©Protasova O., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-code: 3562-1950, Ph.D., Tambov State
Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. Показано отношение к декабристскому движению представителей умеренного крыла неонародничества – народных социалистов, ярче всего иллюстрируемое материалами журнала «Русское богатство». Рассматриваются отдельные сходные пункты идеологии декабристских обществ и неонародников-эволюционистов. Выявлены принципиальные различия видения этими политическими организациями основных движущих сил планируемых государственных изменений, предполагаемой формы правления в обновленной России, проектов решения национального и аграрного вопросов и т.п. Представлены диаметрально противоположные мнения декабристов и умеренных народников по поводу возможности применения насилия в борьбе против власти и др. Делается вывод: хотя неонародников нельзя назвать прямыми идеологическими наследниками декабристов, в политических концепциях первых и вторых имелись некоторые общие черты относительно представлений о пути реформирования Российского государства и общественном прогрессе.

Abstract. The article shows the attitude of representatives of the moderate wing of neo-Populism, the People's Socialists, to the Decembrist movement, which is most vividly illustrated by the materials of the Russian Wealth magazine. Some similar points of ideology of Decembrist societies and neo-populist evolutionists are considered. Fundamental differences are revealed in the visions of these political organizations regarding the main driving forces of planned state changes, the proposed form of government in a renewed Russia, proposals for resolving national and agrarian issues, etc. Diametrically opposed opinions of the Decembrists and moderate Populists regarding the possibility of using violence in the struggle against the authorities, etc. are presented. The conclusion is drawn: although the neo-Populists cannot be called direct ideological heirs of the Decembrists, the political concepts of the former and the latter had some common features regarding the ideas about the path of reforming the Russian state and social progress.

Ключевые слова: декабристское движение, эволюционное неонародничество, политическая программа

Keywords: Decembrist movement, evolutionary neo-populism, political program

Роль декабристских организаций в освободительном движении России невозможно переоценить. Тайные общества первой четверти XIX в. создали, по сути, первые в России полноценные политические программы европейского образца.

Декабристы выступали за коренное изменение существовавшей формы правления, предоставление политических и гражданских прав населению, а также освобождение крестьян от крепостной зависимости. До декабристов в России, пожалуй, был единственный человек, кто столь же радикально высказывался по этому вопросу — А.Н. Радищев, но он не занимался активной политикой, его «революционаризм», за который он жестоко поплатился, выражался в публицистическом творчестве.

Декабристы полагали, что движущей силой преобразований станет общественное мнение, для чего занимались просветительской и благотворительной деятельностью [1]. Необходимо отметить влияние декабризма на последующие поколения: многие революционеры будущего, несмотря на значительные изменения социальных реалий и вызванных последними взглядов на жизнь и политические цели, считали декабристов своими предшественниками и людьми, давшими толчок революционному движению в России. Противостояние власти самых знатных и образованных людей того времени стало примером для многих. По мнению Ю. М. Лотмана, декабристы создали «особый тип русского человека», «по своему поведению резко отличавшегося от того, что знала вся предшествующая русская история» [2]. Е. Н. Моцелков утверждает, что «именно от декабризма или от полемики с декабризмом так или иначе берут начало все основные общественно-политические течения и идеологии в России в XIX в.» [3].

В данной статье будут сопоставлены базовые пункты декабристских программ и основные идеологические принципы умеренного (легального, эволюционного) неонародничества, оформившегося в 1890-е гг., а на большой политической арене выступившего в период Первой русской революции как народно-социалистическая (трудовая) партия. Соотношение сходств и различий политических взглядов представителей декабризма и умеренного неонародничества является *объектом* нашего исследования. Также предполагается рассмотреть влияние декабристов на становление и развитие сибирского областничества (автономизма), имевшего прочные связи с народничеством и неонародничеством.

Материал и методы исследования

Основными материалами для данного исследования служат программные документы декабристских организаций и народно-социалистической (с июня 1917 г. — Трудовой народно-социалистической) партии, а также политическая публицистика народных социалистов, посвященная как декабристам, так и проблемам общественно-политического характера конца XIX–начала XX в. Помимо того, при подготовке статьи использованы труды российских ученых, специализирующихся на истории декабристского движения, народничества, сибирского областничества.

Исследовательские *методы*, применяемые в статье — биографический, контент-анализ источников и исторической литературы, компаративный (сравнение и сопоставление), анализ, синтез.

Результаты и обсуждение

В России так называемого николаевского периода (1826–середина 1850-х гг.) о политических объединениях, которые имели бы оппозиционную ориентацию, речь фактически не шла. Западники и славянофилы, при всей их значимости в развитии

отечественной политико-правовой мысли, являлись дискуссионным клубом гораздо более, чем организациями со сколько-нибудь практическими целями. В качестве исключения можно назвать кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, обративший на себя серьезные санкции властей, однако и у петрашевцев не было четкой организационной структуры, идеологии и программы действий; это был, выражаясь художественным языком, своего рода пролог организационного бума, начавшегося в последующие десятилетия.

В пореформенной России стало возобновляться демократическое движение, началось оформление народнических организаций — как радикальных, так и умеренных по программатике и методам действия. В 1890-е гг. народничество, обновив в соответствии с социально-экономическими реалиями свой идейный багаж, «трансформировалось» в неонародничество. Пожалуй, главным выразителем неонароднических воззрений в конце XIX–начале XX в. был журнал «Русское богатство», редакционный комитет которого в 1905–1906 гг. явился колыбелью народно-социалистической партии. Лидерами умеренного неонародничества были Н.К. Михайловский, а после его смерти в январе 1904 г. — А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, С. Я. Елпатьевский, В. Г. Богораз-Тан и др.

Журнал «Русское богатство» был качественным, универсальным ежемесячным изданием, где печатались материалы разного рода: политико-экономические обзоры, новинки отечественной и зарубежной беллетристики реалистического направления, литературная и театральная критика, исторические материалы. Об отношении неонародников к декабристскому движению можно узнать преимущественно из публикаций «Русского богатства». Так, профессиональный историк В. А. Мякотин удостоил вниманием декабристское движение, хотя оно интересовало его лишь косвенно. Его перу принадлежит цикл статей «Из истории русского общества» [4].

Декабристы упоминаются в нем в историческом контексте, главным образом в связи со становлением мировоззрения А. С. Пушкина. Российским предшественником декабристов (и, к слову, западников) Мякотин называл А. Н. Радищева — «благородного идеалиста, далеко опередившего свой век» [5].

Не только декабристы, но и Пушкин, по словам неонароднического историка, учились у Радищева «ненависти к крепостному праву». В. А. Мякотин считал, что как декабристам, так и Пушкину были свойственны взгляды, безусловно прогрессивные, но не разделяемые на тот момент властью: «симпатия к бесправным крепостным, признание за ними человеческого достоинства, резкий протест против обскурантизма, произвола» [6].

По словам Мякотина, такие мотивы роднили молодого Пушкина с декабристами, хотя он не разделял их конкретной программы и никогда не состоял ни в одной из тайных организаций [7].

Однако «в последний период своей жизни», по мнению Мякотина, Пушкин «не сохранил... общественный идеал» [5] декабристов. Можно сказать, что Мякотин говорит о декабристах, стоявших «в передовых рядах русского общества», с несомненным сочувствием. Историк-народник отдавал должное «немалому нравственному мужеству» И. И. Пущина, «оригинальному и выдающемуся уму» П. И. Пестеля, «решительному характеру и образованности» В. Ф. Раевского и т.п. [6].

Большое временное расстояние, разделяющее декабристов и неонародников, обусловило, в значительной мере, разность их взглядов на будущее России. При этом следует отметить, что народники конца XIX–начала XX в. отзывались о декабристском движении весьма лапидарно: современность интересовала их гораздо острее, чем достаточно далекое прошлое. В отличие от эсеров, в рядах которых были философы-теоретики (например, В. М. Чернов), народные социалисты больше тяготели к анализу текущей политической ситуации, лишь изредка делая

отсылки к «старине». Работы Мякотина, в которых речь идет о событиях и людях первой четверти XIX в., скорее носят профессионально-исторический, чем политический характер.

Главные декабристские организации описываются Мякотиним очень бегло: по его словам, задачей Союза спасения, не носившего еще заговорщического характера, было «содействовать всем благим начинаниям правительства и частных лиц, обличать злоупотребления отдельных деятелей, распространять просвещение и улучшать общественные нравы путем личного примера и пропагандой гуманных идей», в политической сфере — «изменение политического строя России и введение в ней представительных учреждений», причем конкретные пути достижения этого, по Мякотину, предложены не были [7]. Союз благоденствия выступал, отмечал В. А. Мякотин, с более настойчивыми требованиями — например, отмены крепостного права, однако и эта организация в целом «не шла дальше «просветительских начинаний и устной пропаганды либеральных взглядов» [там же]. По мнению современных исследователей, Мякотин оценивал раннедекабристские организации как более лояльные властям, чем это было на самом деле [6].

Но, кратко описывая программы Северного и Южного обществ, народник признает их смелость и даже радикализм (особенно это касается, конечно, «Русской правды»): «Пестель составил план республиканского устройства с широкими демократическими основами, с некоторым даже социалистическим оттенком» [7].

Еще один народный социалист-историк В. И. Семевский — посвятил ряд своих работ декабристам, но объектом его научного внимания стали связи их тайных политических обществ с масонством [8].

Конечно, в идейных построениях декабристов и народников, а тем более неонародников периода становления партийной системы в России, различий гораздо больше, нежели сходств. По справедливому мнению О. И. Киянской, декабристы мечтали об организации всеобщего юридического равенства. Для народовольцев 1860–70-х гг. был важнейшим совсем иной вопрос: крестьянская революция, передел земли [9].

Аристократы декабристы под влиянием просветительских концепций и опыта Французской революции рассуждали о государственном порядке; у них были собственные политические амбиции, после наполеоновской кампании они чувствовали себя победителями и хотели вершить судьбы страны. Однако при тогдашнем жестко стратифицированном сословном, да еще и самодержавном обществе это было невозможно. Поэтому вождельной целью декабристов были равные права для всех. В основе их программ не лежала какая-то конкретная идеология — ни либеральная, ни тем более социалистическая (последняя на тот момент находилась лишь в начале своей разработки), хотя элементы либерализма, акцентирующего внимание на правовых вопросах, в идейных построениях декабристских обществ, несомненно, присутствовали. Однако демократизм декабристов носил скорее умозрительный, «программный» характер и не распространялся на житейскую практику. С «народом» декабристы взаимодействовать не умели. Они не полагали привлекать крестьянство к своему движению, не собирались разжигать в нем возмущения: опыт Французской революции, когда в ответ на массовые восстания низов якобинцам приходилось вводить террор, внушал им опасение и перед потенциальным «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным». О том, чтобы самим попытаться организовать массы, у декабристов речь не шла: они делали ставку на армию, у которой больше опыта в борьбе с каким бы то ни было врагом, не говоря уже о дисциплине.

Народники же, разночинцы, демократы, совершенно четко и определенно основывались на социалистической идеологии. Их интересовал конкретный социальный сегмент — трудовой народ. Когда к началу 1900–х гг. молодые политики стали овладевать технологиями

коммуникации с этим самым «народом», политические организации начали обрастать массами последователей, а общий уровень политической культуры «народа» пошел вверх. Следует отметить, что все неонародники — как эволюционные (народные социалисты), так и радикальные (эсеры) — не проводили водораздела между частями трудящегося класса: для них и рабочие, и крестьянство, и трудовая интеллигенция были единым основанием для будущего построения социализма. Народ должен был стать драйвером социальных изменений.

Здесь нельзя сбрасывать со счетов и классовые различия (на тот момент данный фактор еще оставался актуальным) между декабристами и неонародниками. В первой четверти XIX в. сословная принадлежность была одним из главных индикаторов социального статуса человека, диктовавшая и образ жизни, и образ мыслей, и стиль поведения и т.п. Декабристское движение — движение дворян, аристократов, людей военных, действительно «страшно далеких от народа», в чем винить их трудно, поскольку они были «продуктами» своей эпохи, когда сквозь поощряемый на государственном уровне консерватизм едва начали пробиваться принесенные из Европы ростки либерализма. Неонародники, в числе которых были и представители дворянских семей (в основном, конечно, небогатых), но по большей части — разночинцы (а с начала XX в. эта когорта стала пополняться и крестьянами) чувствовали жизнь и рассуждали о ней уже совсем по-иному. Практически все они имели мирную профессию, а также опыт непосредственного общения и взаимодействия с крестьянами и рабочими, умели говорить на понятном «народу» языке и очень четко артикулировали главный запрос большинства трудового элемента России: земля. Народники сознавали, что крестьянину нужна не столько личная свобода, дарованная реформой 1861 г. (далеко не все жители российской деревни были настолько развиты, что их смущала правовая зависимость), сколько земля, без которой можно было, являясь свободным, умереть с голоду. Это понимание, помимо прочего, послужило залогом хорошего отношения к неонародникам со стороны тружеников деревни, обеспечив поддержку на выборах во II Государственную Думу 1907 г. (первый созыв неонароднические партии бойкотировали) и в избирательной кампании во Всероссийское Учредительное собрание (1917) [10].

Декабристам не пришло бы в голову именовать себя «интеллигенцией» — это слово в широком российском обиходе распространилось во второй половине XIX в. В пореформенное время в России сложился т.н. «третий элемент» — часть общества, которая не была аналогом европейского буржуазного «третьего сословия». В российский «третий элемент» вполне могли входить дворяне, но чья жизнь вышла из рамок привычного традиционного дворянского быта, а мышление — из границ сословного менталитета. Они уже не ощущали себя привилегированными, не рассчитывали на семейные связи, самостоятельно учились, получали профессию, зарабатывали на жизнь, размышляли о природе бытия, устройстве общества и, конечно, мыслили себя в оппозиции власти [9].

Оппозиционность можно назвать главным признаком русской служилой интеллигенции, которая в последние десятилетия XIX в. стала ферментом общественного брожения в стране [11].

Вместо «хождения в народ», практиковавшегося народниками старшего поколения, «третий элемент» включился в просветительскую работу с населением деревни через земскую службу. Умеренные неонародники были как раз типичными представителями такой интеллигенции. В их публицистике можно найти немало рассуждений о неоплатном долге интеллигенции перед «народом» и миссии — развивать в нем чувство собственного достоинства и гражданского самосознания. Именно на интеллигенцию народные социалисты возлагали обязанность выводить общественность из «спячки» межреволюционного периода (1908–1916 гг.), поскольку она обладает не только ученостью, но и способностью обезопасить

общество от «крайностей движения народных масс – мистического анархизма и... мистического коллективизма, боготворящего безличную массу» [11].

Пожалуй, самое ключевое отличие легальных народников от декабристов состояло в том, что вторые делали в борьбе с монархическим самовластием политическую ставку на вооруженную силу (армию, гвардию), а первые признавали исключительно законные, открытые, с появлением Государственной Думы — парламентские методы противостояния отживающему строю. Хотя начало политической карьеры некоторых из них, особенно А. В. Пешехонова и В. А. Мякотина, было связано с партией социалистов-революционеров (они оказывали эсерам конспиративные услуги, сотрудничали в эсеровских изданиях и т.п.), уже в 1905 г. все эволюционные неонародники заявили о своем категорическом неприятии террора и вообще всякого насилия в борьбе за общественный прогресс. В дальнейшем они следовали этой линии очень твердо. Подлинную революционность (а себя они считали людьми «крайних мнений», то есть достаточно радикальными) легальные неонародники видели не в жертвенности бомбистов-самоубийц, а в смелости открытого выступления на политической арене в любых обстоятельствах, даже в те моменты правительственной реакции, когда это практически невозможно.

Общим у неонародников и декабристов было желание реформировать общественно-политический строй России, однако пути ими мыслились разные. В этом отношении в программе народных социалистов было гораздо более сходства с «Конституцией» Н.М. Муравьева, чем с «Русской правдой» П. И. Пестеля. Программа Пестеля предполагала убийство царя и установление республики с централизованным правительством и однопалатным парламентом (народным вече); столь радикалистских установок неонародники-легалисты разделять не могли. Вплоть до 1917 г., когда царская власть в России пала, они не выдвигали требования срочного установления республики, считая, что конституционная монархия (с условием, что конституция и парламентаризм не являются «декорацией», а работают по-настоящему) — вполне достойная форма правления. «В мире есть достаточно свободные монархии и несвободные республики, поэтому дело не в форме, а в содержании» [11], — уверял В. А. Мякотин. Осуществление народовластия в их представлении должно происходить в виде представительского правления, в том числе издание законов всенародным представительством (однопалатный парламент), в который избирались бы граждане обоюбого пола, достигшие 20 лет, путем прямой, тайной и равной подачи голосов. Правительство должно было пользоваться его доверием [12].

Путь к демократической республике, считали эволюционные неонародники, еще долог: эта форма правления станет осуществима лишь тогда, когда ее необходимость осознает весь российский народ, который «изберет ее посредством Учредительного собрания, добровольно и обдуманно» [11]. «Если в программе н. с. партии не было “республики”, то было полное “народовластие”, — мы сознательно предпочитали сущность форме. В программе, кроме того, было “Учредительное собрание”, наличность какового по тогдашним временам ни в каком случае не могла содействовать приспособлению» пояснял А. В. Пешехонов [13]. После Февральской революции формулировка «демократическая республика» уже присутствовала в партийных документах.

Вслед за декабристами неонародники считали безоговорочно необходимым законодательное закрепление важнейших, нерушимых прав человека и гражданина, ликвидацию сословий и, соответственно, сословных привилегий. К этому добавлялись требования, выработанные европейской социалистической мыслью в течение второй половины XIX века и к началу XX столетия признаваемые практически всеми российскими демократами, включая кадетов: «неприкосновенность личности, жилища и переписки; свобода

совести, слова, печати, собраний, передвижений, союзов (в том числе профессиональных); 8-часовой рабочий день; гарантированный минимум заработной платы, страхование рабочих, охрана труда; участие рабочих в управлении промышленными предприятиями» [12]. Помимо «формальных» требований к государству как правовому институту, народники настаивали на придании ему трудового характера, что и будет означать подлинное народовластие. Для декабристов категория «народовластие» укладывалась в рамки их главных программных пунктов: ликвидации самодержавия, отмены крепостного права, введения конституционного правления. Глубокому философскому осмыслению ее они не подвергали.

Что касается территориального устройства, народные социалисты выступали за федерализацию России (подобный пункт также имелся в «Конституции» Н. Муравьева). Они, например, с симпатией относились к требованиям сибирских областников о предоставлении Сибири широкой автономии, что могло быть возможным, на их взгляд, при федеративном территориальном устройстве огромной многонациональной страны. Думается, здесь уместно сказать несколько слов об областничестве — движении, занимавшем заметное место в российском политико-культурном ландшафте периода модернизации.

Областники, идейно во многом близкие народничеству, в свою очередь, признавали, что на программу их движения (оно было основано в первой половине 1860-х гг.) большое влияние, помимо народников, оказали также декабристы, петрашевцы и польские политические ссыльные [14].

Декабристы «понимали прогресс в широком смысле, как гармоничное развитие материальных и духовных составляющих» [15].

Они подали сибирякам пример выступления «против догматического, доктринерского подхода к анализу этнополитической и культурной природы современного им российского общества» [16].

Среди идей озвученных декабристами и повлиявших на областников наиболее существенно в политическом смысле (их практически целиком поддерживало и умеренное неонародничество), выделим следующие:

— Идея федерализма. Декабристы первыми поставили вопрос о децентрализации управления России, П.И. Пестелю принадлежит приоритет в определении термина «федерализм» применительно к отечественной практике;

— Идея децентрализации управления. Так, Н. М. Муравьев выдвигал тезис о необходимости деления России на самоуправляющиеся единицы [16], по этому проекту государство представляло бы собой федерацию держав и областей с достаточной автономией, но с сохранением центрального управления;

— Идея специфики края. Декабристы высказывали мысли, близкие к областничеству, например, сравнивали Сибирь с Североамериканскими штатами (необъятный простор и огромные природные богатства), а нравы и образ жизни сибиряков — с поведением американских колонистов (независимость, практичность, индивидуализм, отсутствие сентиментальности и т.п.). Первые поколения областников были очень вдохновлены примером полного освобождения от власти метрополии, которого удалось достичь американским колониям за это им приходилось получать обвинения в сепаратизме; позже автономисты стали рассуждать менее радикально, стремясь не к отделению от Российского государства, но добиваясь для Сибири широкой политической, а, главное, экономической и культурной автономии, что дало бы возможность использовать богатые природные и человеческие ресурсы на благо развития своего края [16].

Идеи декабристов повлияли на мировоззрение идеологов областничества, например Н. М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, у которых интерес к декабристским идеям во многом

определил становление «свободного» мировоззрения. В.Д. Юшковский (мы склонны с ним согласиться) отмечает, что нередко преемственность областничества от декабризма подается исследователями как более прямая, нежели она была на самом деле. Декабристы в период ссылки в Сибирь действительно высказывали мысли, созвучные с теми идеями, что впоследствии «продвигали» областники. Например, Н.В. Басаргин находил сходство необъятной Сибири, колонизированной европейской Россией, с американскими Штатами, сравнивая нравы и образ жизни сибиряков с поведением и характерами американских колонистов. И.И. Пущин допускал, при определенных обстоятельствах, возможность отделения Сибири от метрополии, а Н.М. Муравьев отстаивал необходимость деления России на ряд самоуправляемых округов [15]. Однако в организационном отношении областничество отнюдь не «выросло» из декабризма, оно явилось результатом роста патриотического самосознания уроженцев Сибири, обучавшихся в начале 1860-х гг. в столичных университетах, и впитало в себя множество передовых идей.

Национальный вопрос, традиционно трудный и дискуссионный для всех оппозиционных политических сил, у декабристов нашел некоторую конкретику (конечно, при возможности осуществления он вряд ли был бы решен в точно таком ключе). И у Южного, и у Северного обществ он базировался на идеях гражданского равенства, но различался в подходах к целостности империи. П.И. Пестель считал, что все племена российские должны быть слиты в один народ; таким образом, все национальное своеобразие уничтожалось, зато, по мнению авторов проекта, гарантировало соблюдение принципа равных возможностей. «Русская Правда» предполагала жесткую централизацию и ассимиляцию народов, в то время как «Конституция» предлагала федеративное устройство. Оба общества выступали за отмену сословных привилегий и предоставление гражданских прав всем народам, но Пестель допускал независимость Польши, при этом возражая против отторжения других территорий; государство должно быть унитарным. Такая постановка дела должна была повлечь за собой ассимиляцию: все жители страны, кроме поляков, должны были стать русскими гражданами, а кочевые народы — перейти к оседлости. Пестель считал, что малые народы обязаны отказаться от своего языка и обычаев в пользу русских, чтобы обеспечить прочность государства. Право на государственную независимость признавалось только за Польшей, но при условии проведения там социально-политических преобразований, аналогичных российским, и заключения вечного оборонительного союза. В «Русской правде» нашел отражение еврейский вопрос: евреям предлагался выбор — либо полная ассимиляция, либо выселение в Малую Азию для создания собственного государства.

В «Конституции» национальный вопрос решался через модель федеративного устройства (2 области и 13 «держав»), причем деление страны основывалось не на национальном составе, а на историко-экономических и географических факторах. Документ игнорировал интересы кочующих племен (они не учитывались при переписи для представительства). Проект также не предусматривал предоставления независимости Польше или другим окраинам, сохраняя единство государства в рамках федерации. Таким образом, Н.М. Муравьев предлагал децентрализацию власти через региональное самоуправление, но без учета специфических национальных требований отдельных народов. Зато провозглашалось гражданское равенство всех жителей империи независимо от веры и происхождения, что в сознании передового просвещенного дворянства представлялось гораздо более важным, чем акцентирование этнической и конфессиональной специфики.

У неонародников пути решения национального вопроса не были приведены в окончательный вид. Н.Ф. Анненский (1843 – 1912), например, полагал, что автономия с правом выхода повредила бы как государству, так и народам, которые по неопытности захотят

этим правом воспользоваться [11]. А вот трудовики, объединившиеся в июне 1917 г. с народными социалистами в одну партию, выступали за предоставление этносам широкой автономии с правом отделения. Компромиссный вариант был таким (его можно представить как условный итог идейного творчества правых неонародников по национальному вопросу): федерализм государственного устройства России, признание права на самоопределение, требование национальной и культурной автономии и свободного культурного развития [17].

Что касается аграрного вопроса, то его разработка в программах декабристов привела у Южного и Северного обществ к разным результатам. Программа П.И. Пестеля была более радикальной: она предполагала частичную конфискацию помещичьих земель и создание мощного общественного фонда, что гарантировало бы крестьянам право на труд и пропитание, так как каждый гражданин имел право получить участок из общественного фонда бесплатно для обеспечения прожиточного минимума. Программа Н.М. Муравьева была куда умереннее. В ранних редакциях «Конституции» крестьяне получали свободу, но не получали земли; в позднейшем варианте документа им полагалось по две десятины на двор, — этой площади было недостаточно для безбедной жизни. Поскольку основной массив земель оставался у помещиков, крестьяне должны были арендовать у них землю или наниматься к ним на работу — юридическая зависимость сменялась зависимостью экономической. Можно сказать, что в целом аграрный вопрос не был ключевым для декабристов, которые верили, что наделение крестьян личной свободой и правами, что позволит им обрести человеческую честь и достоинство (в глазах высокородных дворян ценности абсолютные) куда важнее и со временем естественным образом повлечет за собой решение проблемы земли.

Зато неонародники аграрный вопрос прорабатывали особенно скрупулезно, будучи убеждены, что он — важнейший из всей социально значимой повестки, и отмена крепостного права с последующими правительственными мероприятиями не решила его. Если программы декабристов роднило признание незыблемости принципа частной собственности, распространявшегося и на помещичье землевладение, то правые неонародники считали наилучшим решением аграрного вопроса национализацию земли с передачей ее в пользование по трудовой норме всем, кто станет обрабатывать ее своим трудом. Земля должна была стать общенародным достоянием, имея при этом надежную правовую основу, гарантом которой должно было стать государство. Управление земельным фондом планировалось осуществлять через органы местного самоуправления (земства или общины). Принудительно отчуждать землю предполагалось у помещиков, эксплуатировавших чужой труд, казны, уделов и монастырей. Отчуждению подлежали и надельные земли сверх трудовой нормы (границы размеров этих норм были подвижны, определялись «по экономическим районам в соответствии с местными общественно-хозяйственными условиями» [18].

Энесы допускали выплату вознаграждения (выкупа) за изымаемые земли, что, по их замыслу, должно было смягчить социальный конфликт. На государство, которое при социализме должно было превратиться для народных масс из гонителя в защитника, они возлагали задачу попечения деревни, защиты крестьян от обнищания, предотвращение стихийной аграрной революции [11], которая могла привести, по их убеждению, лишь к всеобщему хаосу. Данная программа была очень тщательно продумана, буквально математически выверена (вспомним, что среди идеологов правого неонародничества были профессиональные статистики), однако для своего времени оказалась слишком умеренной: крестьянство, не желавшее платить выкуп даже минимальный, через налоги. Крестьянство, заражавшееся с начала XX века революционными настроениями, подогреваемыми леворадикальными партиями, хотело осуществить «черный передел» как можно скорее, не пренебрегая такими средствами, как самовольные захваты чужих земельных участков,

поджоги помещичьих усадеб и т.п. В отношении крестьянства и его насущных нужд неонародники были гораздо большими материалистами, чем декабристы, которые полагали, что получение крестьянами юридической свободы и гражданских прав станет универсальным решением проблем деревни.

Заключение

Нельзя сказать, что в идеологиях декабризма и неонародничества было много общего — все-таки, помимо прочего, их хронологически разделял почти век, отмеченный развитием отечественной политико-правовой мысли. Кроме того, во второй половине XIX в. в России набирали темпы процессы модернизации, то есть объективные социально-экономические и политико-культурные условия, в которых действовали народники и, тем более, неонародники, принципиально отличались от тех, в которых разворачивалась деятельность декабристских обществ. Декабристы выступали за отмену крепостного права, до которой было на момент их деятельности еще довольно далеко; народники, движение которых было следствием и результатом реформы 19 февраля 1861 г., ставили своей целью исправление правовых несовершенств этой реформы. Декабристы практически не знали жизни и тем более психологии российских крестьянских масс своего времени, которым было далеко до понимания «прав человека и гражданина», столь ценимых просвещенными людьми, и обходили стороной самые острые проблемы деревни, не представляя, как подступиться к ним. Зато неонародники, зная жизнь деревни по опыту земской службы (многие из них начинали свою карьеру земскими статистиками, землемерами, учителями, врачами и т.п.), проявляли искреннюю человеческую заботу о крестьянине, стремились вовлечь его в общественно-политические дела, развить в нем гражданское сознание. Сибирское областничество, являясь движением вполне самобытным, впитало в себя целый комплекс идей передовых идей предшественников и современников. Конечно, воздействие русского социализма (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев) и особенно умеренного народничества, представленного П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским, Н.Ф. Анненским, В.Г. Короленко и др., оказалось для сибирефилов более непосредственным, чем влияние идей декабристов. Однако «декабризм, широкое интеллектуальное оппозиционно направленное течение... наметил не один, а много путей развития русской мысли» [15], поэтому недооценивать его вдохновляющей роли для практически любого из освободительных, оппозиционных течений пореформенной России, в том числе и для сибирского областничества, было бы несправедливо. Следует отметить еще вот какой момент. В отношении результатов собственной деятельности моральное самовосприятие декабристов и неонародников/областников принципиально различается. Декабристы, несмотря на неудачу своей политической акции, не чувствовали себя ущемленными, проигравшими, неправыми. Они, по оценке В.Д. Юшковского, «сознавали себя историческими деятелями, которых могут и должны слушать, творцами истории, принимая как должное заслуженное уважение даже со стороны политических оппонентов и III Отделения» [15]. Социалисты же периода российских революций (конечно, исключая большевиков), упустив в 1917–18 гг. все возможности направить дальнейшую судьбу государства по демократическому пути, остаток жизни посвятили осмыслению собственных политических ошибок. И все же, несмотря на принципиальные различия между двумя знаковыми движениями России начала и конца XIX в., нельзя отрицать воздействия, хотя бы даже опосредованного, которое оказал декабризм на идеологию социалистов-народников, уважавших политическое мужество, подвиг жертвенности своих предшественников и признававших их интеллектуальные заслуги.

Список литературы:

1. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М., 2004.
2. Киянская О. И. Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки // Россия и современный мир. 2017. №2. С. 42-56.
3. Мошчелков Е. Н. Конституционные идеи и проекты декабристов: современное прочтение // Каспийский регион: политика, экономика, культура. История философии. 2018. №2 (55). С. 136-144.
4. Мякотин В. А. Из истории русского общества. Этюды и очерки. СПб: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1902. 394 с.
5. Мякотин В. А. Биографическая справка Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. 1894.
6. Гноевых А. В. Декабристское движение по материалам журнала «Русское богатство» рубежа XIX и XX веков // Вестник Пермского университета. 2012. №3(20). С. 124-133.
7. Мякотин В. А. Из пушкинской эпохи // Русское богатство. 1899. №6. С. 134-151.
8. Семевский В. И. Очерки по истории политических и общественных идей декабристов // Русское богатство. 1907. №5. С. 107–152.
9. Булдакова Д. И. 190-летие восстания декабристов в российских СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. №1 (47). С. 99-106.
10. Протасова Л. Г. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014. 555 с.
11. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
12. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. В. 3 т. Т. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 902 с.
13. Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли? // Русское богатство. 1917. №11-12. С. 327-350.
14. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX. Новосибирск, 2008. 270 с.
15. Юшковский В. Д. Областничество и декабризм: к вопросу об идейно-духовной преемственности // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества». СПб, 2010. С. 166–178.
16. Головинов А. В. Роль народническо-декабристской мысли в формировании и развитии политической идеологии областничества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 1. №4 (80). С. 243-247.
17. Нам И. В. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы. Томск, 2016. 256 с.
18. Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л.: Наука, 1977. 295 с.

References

1. Bol'shaya Rossijskaya entsiklopediya: v 30 t. (2004). Moscow. (in Russian).
2. Kiyanskaya, O. I. (2017). Dekabristy v otechestvennoj istorii i istoriografii: polemicheskie zametki. *Rossiya i sovremennyyj mir*, (2), 42-56. (in Russian).
3. Moshchelkov, E. N. (2018). Konstitutsionnye idei i proekty dekabristov: sovremennoe prochtenie. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. Istoriya filosofii*, (2 (55)), 136-144. (in Russian).
4. Myakotin, V. A. (1902). Iz istorii russkogo obshchestva. Etyudy i ocherki. St. Petersburg. (in Russian).

5. Myakotin, V. A. (1894). Biograficheskaya spravka Protopop Avvakum. Ego zhizn' i deyatel'nost'. (in Russian).
6. Gnoevykh, A. V. (2012). Dekabristskoe dvizhenie po materialam zhurnala «Russkoe bogatstvo» rubezha XIX-XX vekov. *Vestnik Permskogo universiteta*, (3(20)), 124-133. (in Russian).
7. Myakotin, V. A. (1899). Iz pushkinskoj epokhi. *Russkoe bogatstvo*, (6), 134-151. (in Russian).
8. Semevskij, V. I. (1907). Oчерки po istorii politicheskikh i obshchestvennykh idej dekabristov. *Russkoe bogatstvo*, (5), 107–152. (in Russian).
9. Buldakova, D. I. (2023). 190-letie vosstaniya dekabristov v rossijskikh SMI. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (1 (47)), 99-106. (in Russian).
10. Protasova, L. G. (2014). Entsiklopediya. Moscow. (in Russian).
11. Protasova, O. L. A. (2004). V. Peshekhonov: Chelovek i epokha. Moscow. (in Russian).
12. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX 2022. v. V. 3 t. T. 3. Moscow. (in Russian).
13. Peshekhonov, A. V. (1917). Pochemu my togda ushli? *Russkoe bogatstvo*, (11-12), 327-350. (in Russian).
14. Shilovskij, M. V. (2008). Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno politicheskoy zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX. Novosibirsk. (in Russian).
15. Yushkovskij, V. D. (2010). Oblastничество i dekabrizm: k voprosu ob idejno-dukhnovnoj preemstvennosti. Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoj filosofskoj i obshchestvennoj mysli: k 150-letiyu sibirskogo oblastничества». St. Petersburg. 166–178. (in Russian).
16. Golovinov, A. V. (2013). Rol' narodnichesko-dekabristskoj mysli v formirovanii i razvitii politicheskoy ideologii oblastничества. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(4(80)), 243-247. (in Russian).
17. Nam, I. V. (2016). Natsional'nyj vopros v programmnykh dokumentakh politicheskikh partij, organizatsij i dvizhenij Rossii. Nachalo XX v.: Dokumenty i materialy. Tomsk. (in Russian).
18. Ginev, V. N. (1977). Agrarnyj vopros i melkoburzhuznye partii v Rossii v 1917 g. (in Russian).

Поступила в редакцию
06.03.2026 г.

Принята к публикации
15.03.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. Политические взгляды декабристов и умеренных неонародников (конец XIX – начало XX в.): сходства и различия // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №5. С. 666-677. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/126/83>

Cite as (APA):

Protasova, O. (2026). Political Views of the Decembrists and Moderate Neo-Popularists (end of the 19th – Beginning of the 20th Century): Similarities and Differences. *Bulletin of Science and Practice*, 12(5), 666-677. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/126/83>